

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

Золотой брегет

ГОРЬКОЕ МОЛОКО – 1

Владимир Козлов

**Золотой берег.
Горькое молоко – 1**

«Издательские решения»

Козлов В.

Золотой брегет. Горькое молоко – 1 / В. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907131-6

«Золотой брегет» — это первая книга серии «Горькое молоко». Она повествует о сложной судьбе футболиста Ивана Беды, крестника известного вора в законе Гриши Часовщика. На свадьбе Ивану вор дарит золотой брегет, после чего он несколько раз пропадёт у него из дома и возвращается назад.

ISBN 978-5-44-907131-6

© Козлов В.

© Издательские решения

Содержание

Золотой брегет	7
Воспоминания	7
За колючкой	17
Полосатый шарф	19
Бразилец	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Золотой берег Горькое молоко – 1

Владимир Козлов

© Владимир Козлов, 2018

ISBN 978-5-4490-7131-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Козлов родился в 1950 году в городе Горьком. Большую часть своей трудовой жизни отдал спорту, работая управленцем и тренером. Автор книг, Родиться царём, Воровской орденом, Сестра Морфея и других произведений.

Золотой брегет

Воспоминания

Иван Романович Беда сидел во дворе дома на врытом в землю старом столбе, который раньше служил опорой для лавочки. Для себя этот столбик он считал островком воспоминаний. Он с болью в сердце смотрел на голый двор. После перестройки из всех достопримечательностей остались одни сараи и мусорные ящики, в которых поочерёдно рылись нищие и обездоленные люди. Горечь и обида за свой двор всколыхнула его память, которая разворошила события несколько десятилетий назад.

...Это был когда – то очень красивый и уютный дворик – он состоял из восьми четырёхэтажных домов образующих срезанную по диагонали коробочку. К одному из крайних домов примыкала средняя школа с огромным плодоносящим садом, окольцованным высоким забором мощного древесного бруса. Школьный стадион, оборудованный по точным спортивным стандартам всевозможными секторами и баскетбольной площадкой, с утра до позднего вечера никогда не пустовал, несмотря на то, что сразу за домами находился универсальный стадион ДСО «ВОДНИК», принадлежащий судостроительному заводу. Отличительной чертой этого стадиона поэтапно в разные годы являлись сильные команды, как по футболу, так и по хоккею. Были свои кумиры, многих из которых и в живых нет, а кто из тюрем не вылезает. Народ ходил смотреть не только на них, а просто шли на футбол. Билеты на стадион в то время стоили копейки. Трибуны не умещали болельщиков. И все кто не попадал на стадион, смотрели матчи с крыш домов и сараев, сожалея, что не попали на территорию стадиона, так как около поля витала футбольная романтика. И эта романтика выражалась даже не оттого, что там было несколько пивных точек, где торговали натуральной астраханской воблой, просто счастливые болельщики воочию могли близко увидеть героев матча, и крикнуть им в поддержку несколько добрых или критических слов. Они считали себя частично участниками матча.

Мальчишки тоже посещали этот стадион, но в основном, когда там проходили футбольные или хоккейные матчи. Излюбленным же местом времяпровождения был родной дворик.

Главной достопримечательностью самого знаменитого в городе двора, безусловно, служили: школьный стадион и два сквера, разделённые между собой широкой асфальтированной дорогой, по которой транспорт не ходил. Эта дорога, по сути, служила парадным входом на территорию школы №6. Для детей школьный двор был усладой, но не меньше время дети проводили и в скверах. В одном сквере были редко высажены пирамидальные тополя, а в центре красовался кругообразный бетонный фонтан, который малыши использовали как бассейн в жаркую погоду.

При входе, одетый в бронзу и обзревая весь двор, стоял громадный памятник отцу всех народов И. В. Сталину. Его строгий лик, как будто говорил «НЕ БАЛОВАТЬ», и на самом деле никаких хулиганских выходов там не случалось. Вечерами здесь зачастую демонстрировали художественные фильмы с обязательным прослушиванием лекции о международном положении. А порой стихийно организовывались танцы.

Те незабываемые годы сталинский садик объединял людей. Народ после Отечественной войны ещё полностью не окреп, но по домам уже не лазили нищие и цыгане. Если цыгане и заходили, то только для того, чтобы продать, что – то из своего товара. В основном это были Оренбургские пуховые платки.

Ряд семей двора имели острую нужду, – это были многодетные семьи, но им всем миром оказывали посильную помощь.

Для них несли старую одежду, делились хорошим уловом с Волги, охотничьей добычей, а иногда свиного мяса перепадало. Свиной многие в то время откармливали, благо сараи рядом были. Убой скотины, – являлся важным событием двора, и приравнялся к празднику. Нередко было, когда забивали не одну, а две, а то и три свиньи. Обычно свиной резали осенью, и на улице уже не было летней погоды, но, ни дождь, ни осенняя изморозь, ни в коем разе не влияли на праздник. Он состоялся в любую погоду. Голубятник Паша Лапин, выкатывал из своего сарая казан, надёжно устанавливали его, и готовил в нём без изысканных рецептов печень и другой ливер. Затем в эмалированных тазиках выставляли мясную закуску на аккуратно сбитый столик в садике, стоявшем за спиной памятника. Запах отварного мяса манил к себе всех желающих. Народ подтягивался к столу, принося с собой домашние провианты и в обязательном порядке самогона и уважаемую в те времена мужиками водку «СУЧЁК». После выпитого первого стакана начинались танцы под трофейный аккордеон, на котором неплохо играл герой войны Веня Дорофеев, или заводили патефон. Рядом всегда полно было детворы. Им доставались самые лакомые кусочки, и чуть поодаль выжидали дворовые собаки, тихо поскуливая, давая понять, чтобы и про них не забывали. Сталину также в этот день наливали в стакан Меленковского самогона, так называли гранёные стаканы. Нанизывали на вилку шмат ливера и ставили на постамент. Это был импровизированный праздник двора. Вскоре памятник незаметно уберут, после чего садик потеряет свою величавость. И только после этого обокраденный постамент, без всякой надобности будет стоять долгие годы, напоминая жителям двора о трудных, но добрых и весёлых временах. Если же сталинский садик был прозрачным и обозревался со всех сторон, то второй напротив, отличался густыми насаждениями ивняка и акаций. Размашистые лозы ив, напоминали собой по форме каскад фонтанов, под которыми можно было незаметно спрятаться от родителей или учителей. В те времена не было совместных школ, а были образовательные отдельные учреждения для мальчиков и девочек. Только в 1954 – 1955 году, восстановили совместное обучение. Поэтому мальчишек – ровесников войны было тяжело обуздать, и их школа была в языках всего города. Особенно не сладко приходилось педагогическому персоналу. Основная масса детей были переростки и, им не хотелось сидеть за одной партой с маленькими клопами. Поэтому они игнорировали школьные занятия и ежедневно прогуливали, именно те уроки, которые не любили. Преподаватели отлично знали, что все прогульщики уроков в тёплую и ясную погоду находились в Ленинском сквере, и если кого – то нет на занятиях, тогда непременно делалась облава. Главным командиром этой злой акции был Маруська, – завхоз школы – это был грузный мужчина, хромавший на одну ногу. Бессменными помощниками его физического недостатка служили дамский велосипед и корявая клюка, смастерённая из бамбука, с которой он не расставался никогда.

До школы завхоз Маруська работал заведующим дамской парикмахерской. За его историческое трудовое прошлое и наличие дамского велосипеда получил он насмешливую и позорную кличку «Маруська». И многие ребята, находясь в невидимой засаде завидев случайно завхоза, считали своим долгом прокричать ему хором с диким хохотом обидное «Маруська».

Он знал, что эти оскорбительные выкрики опускались в его адрес, но распознать голос из толпы он не мог. После чего он кругом озирался, махая своей палкой в сторону крикунов, и как резаный поросёнок визжал:

– Говнюки, у меня адресная книга есть, не поленюсь сходить к родителям. Берегитесь тогда у меня.

Но в ответ Маруська получал более мощную канонаду оскорблений. Мальчишки уверены были, что он никуда не пойдёт, так, как знали, что на время пребывания в подъезде он может лишиться своего дамского велосипеда. Он после свой транспорт отыщет на помойке или в куче металлолома. Завхоз был всегда объектом насмешек для мальчишек. Их забавляло, как он неуклюже прихрамывая, гонялся за ними по всей прилегающей к школе территории.

И виной подобных взаимоотношений был он сам. Ему в радость было исполнять такие приказы директора или завуча школы, как отлавливание прогульщиков. На него в это время находил настоящий азарт охотника. Он подбирал себе в команду техничек и сторожиху, которая также особой симпатией к мальчишкам не проникалась. Живя при школе, она ощущала достаточно беспокойств от дворового хулиганья. Идя на облаву, они получали инструктаж от Маруськи по стратегии и техники безопасности и пухлые тёмно – синие бушлаты, так, как был риск получить пулю из рогатки или испробовать на себе удары полу твёрдых предметов, что попадалось мальчишкам под руку. Это могли быть огрызки яблок, обрезок резинного шланга или старый не подлежащий ремонту башмак.

...Этот скрытый от людских нежелательных глаз зелёный уголок, посещали и стилиги. Их визиты ограничивала взрослая дворовая шпана. Ещё клеша из моды не вышли, а они упорно своими узкими брюками вытесняли модные широкие брюки, пошитые из дорогого материала. За узкие брюки, которые они натягивали на себя при помощи мыла, пёстрые рубашки и намазанные бриолином волосы, стилиг называли макаронниками.

Эта категория людей подвергалась резкой критике прессой и общественностью. Они им навязывали свой моральный облик строителей коммунизма. Стилиги являлись законодателями моды того времени, не только одежды, но и музыки. У кого – то доживали свой век патефоны, а стилиги включали свою музыку. У них гремела из окон западная музыка, записанная на рентгеновских плёнках и воспроизводимая на шикарных радиолax. За такие взгляды на жизнь стилиги не преследовались правоохранительными органами, а что касалось публичных презрений, то эти мелочи они расценивали, как должное. Их самоцелью было желание выделиться, чем – то среди толпы. В сквере они собирались, чтобы обменять или продать музыкальные новинки и шмотки. Но когда из густых зарослей появлялся Иван Беда, они кричали:

– Пришла Беда, – и молниеносно разбегались в разные стороны, пробивая гущу насаждений, обдирая свои модные причёски и наряды. Тогда имелся риск лишиться обменных вещей, а иногда получить по шее. Беда хоть и был молодой, но популярностью пользовался в городе огромной. Его считали лучшим футболистом. Он был хорошим бойцом на поле, что положительно повлияло на его жизненный характер. Смелость, рассудительность, напористость, не редко приводили в трепет его оппонентов. Беду боялись не только стилиги, но и блатная публика. Знали, что Ивана в церкви крестил дядя Гриша Часовщик – вор в законе. Он был без обеих ног и ездил на маленькой коляске, отталкиваясь от земли деревянными колодками. Это был человек – легенда. Он имел большие связи в уголовном мире и с умом их реализовывал. За Ивана Беду он любого мог серьёзно наказать.

У него не было своих детей, и Ивана считал, как за своего сына. Молодая сожительница Часовщика Нина, которая работала в военные годы сельской учительницей, была намного младше Часовщика и чуть старше Ивана, но называла его всегда сынок. С Часовщиком отец Ивана, Роман Николаевич Беда были не только соседями, они вместе росли и дружили, а затем их дорожки разошлись. Старшего Беду забрали в армию, а Часовщика посадили за серьёзные преступления в тюрьму. Часовщик просидел приличный срок до самой войны, а затем немного свободы и вновь арест, затем штрафной батальон, госпиталь. Будучи даже инвалидом он удосужился в конце сорок пятого года попасть вновь в тюрьму, откуда вышел по амнистии в 1953 году. Роман Беда для себя жизненную стезю выбрал иную, честную и трудолюбивую, за что имел несколько правительственных наград. Он после демобилизации пошёл работать на завод формовщиком, затем женился. От брака у него появились на свет две дочки двойняшки. В войну родился Иван, крещённый в церкви Часовщиком. А после войны родилась самая младшенькая и последняя Клавдия. В детстве он был облизан и обласкан сестричками, а когда родилась младшенькая сестричка, то старшие сёстры всю свою любовь и заботу отдали ей. А Иван был отдан улице и крестному, который зачастую с ним делился некоторыми понятиями заливчатской

...Иван Романович на своём столбике вспомнил и отца и своих старших сестёр, которые ещё здоровствовали, но жили в другой области. И Беда по возможности всегда их навещал. Обе сестры очень хороший след оставили в его памяти и он всегда с умилением вспоминал их заботу к себе, когда они были просто старшими девочками, а он карапуз в коротких штанишках. Но была ещё младшая сестра Клавдия. Старшие сёстры выросли, выучились и уехали жить во Владимирскую область. У них были свои семьи, но они не забывали свою родину и родителей и на выходные часто приезжали в гости. Младшая Клавдия жила в одном – же доме где жили отец и мать, но в другом подъезде и имела сына Сергея. Клавдия потеряла мужа Ивана при вооружённом конфликте в Праге. Как это ни странно, но этот Иван имел тоже фамилию Беда, но родственником Ивана Романовича не являлся. А вот то, что муж Клавдии был родом из древнего селения «Беда», этот факт был не оспорим. Клавдии тяжело было растить одной ребёнка. И если бы не родители и брат, ей пришлось бы тяжко. Их забота сказывалась на воспитании сына. Сергей ученик второго класса, постигал футбол со своим дядькой. Везде и на стадионе и во дворе и на школьной площадке, брат был рядом с мальчиком. Племяннику было чему поучиться у своего дядьки и, Серёжку в хорошую погоду нельзя было увидеть без мяча. Других развлечений он не признавал. Его так и прозвали во дворе «Мальчик с мячом».

Вспоминая про своего племянника Сергея мысли Ивана Романовича унесли в дальнее детство и юность. Времена были тогда трудные, но людские отношения, порядочность, чистота во всём, – это незабываемо! Эта память самая запоминаемая и никогда и никакой чёрной ретуши не поддастся.

...Садик для Беды являлся негативным символом всех его школьных невзгод. Раньше там посредине клумбы стоял памятник Ленину, и когда Беду в прошлом веке приняли в пионеры в этот день они с мальчишками пошли в сквер играть в популярную игру «стенка – чека». Монеты кидалась о постамент Ленину, и кидающий должен был дотянуться большим и указательным пальцами до другой монеты. Достал, монетка твоя.

Иван, имевший короткие фаланги пальцев в эту игру никогда не играл. А вот понаблюдать за процессом сражений ему было одно удовольствие. Спор в тот день стоял несусветный, как на ярмарке. Пацаны, громко крича, толкали друг друга. Подойти и втиснуться в толпу не предоставлялось возможным, но выход был найден. Беда вскарабкался на памятник Ленину и сел ему на плечи. Обозрение с этой позиции было, как через телескоп вино было до миллиметра, кто как вытягивает пальцы. Сидя на гипсовых плечах Ленина и заключив его голову в свои детские объятия, он, раскачиваясь, безголосо на весь сквер распевал недавно разучиваемую на уроке пения песню о Ленине.

Ленин – это цветы цветенье
Ленин – это победы клич,
Славься в веках Ленин
Наш дорогой Ильич!

В это время Колька Кистень, (дворовая кличка Киста) склонившись над монетами, производил пальцевую растяжку. И надо было такому случиться от маятниковых телодвижений хрупкого мальчика голова Ильича, словно срезанная скатилась на голову Кисте. От неожиданности свалившейся части памятника Кистень уткнулся лицом в затоптанную ногами клумбу, а затем заверещал, как паромная сирена на всю округу, на который сбежались взрослые. Перепрыгивая через забор, они прибежали в сад, где увидели, что на месте головы Ленина восседала испуганная фигура Беды. Кольку Кисту отвезли в больницу, после чего он до конца жизни носил весёлую кличку «Коля Чудик», так как умная голова Ленина частенько напоминала ему, что пришла пора обращаться к психотерапевту. А Ивана на следующий день исключили из пионеров, и пионерский галстук в итоге ему пришлось поносить меньше суток.

...Когда Беда учился в седьмом классе, директор школы Дерюгин издал нелепый приказ, чтобы с первого по седьмой класс, мальчики все без исключения должны быть подстрижены наголо. Вызвано это было тем, что в школе очень училось очень много детей сирот из детского дома. И все мальчики оттуда, поголовно были подстрижены, наголо. И чтобы они себя не чувствовали ущербными, директор решил таким способом уравнивать всех.

Самая дерзкая группа ребят во главе с Бедой со своими «шевелюрами» расставаться никак не желали. Строптивцев не стали пересчитывать. Их просто не стали пускать в школу, чему мальчишки были рады. Они брали футбольный мяч и на школьном стадионе гоняли его с утра до вечера. Директор понял, что таким методом он не добьётся желаемого результата, и принял новое решение. Всех «кудлатых» в школу допускать. Но, посреди урока их по одному приводили в кабинет директора и насильно стригли, механической машинкой, которая сильно драла волосы.

...Проходил урок географии. Учительница попросила Ивана сходить в учительскую и принести политическую карту мира.

Иван знал, что стригут парней в кабинете директора и беспрекословно согласился выполнить просьбу преподавателя. Зная его разудалый характер, администрация школы уготовила ему ловушку. Он ничего, не подозревая, подошёл к учительской на своей обычной мажорной волне. Тихая обстановка в школе никакой неприятности не предвещала. Он взялся за ручку двери учительской и моментально обратил внимание на одну деталь, – в дверях был вставлен ключ, что никогда не делалось. В голове мигом мелькнула предательская мысль, но отступить было поздно. Он потянул дверь на себя, – она легко открылась.

Беда переступил порог учительской и тут же сзади него подтолкнули на середину помещения. Маруська стоял в проёме двери, закрывая жирным телом проход, и как шлагбаум на уровне своей груди держал трость. Злорадно ухмыляясь, Маруська, плавно маневрируя бамбуковой палкой, приговаривал:

– Попробуй, вырвись, до тебя посильней ребятишек стригли, а такого хлюпика, как ты, мы живо в Степана Тимошенко превратим.

Он обвёл взглядом учительскую. На диване за шкафами сидели учитель по труду и учитель по физике.

Физик этот был под два метра ростом и старшеклассники все его называли Стропа:

– Добровольно будем стричься или тебя вязать надо? – физик кивком головы показал на полотнища транспарантов, лежавших валом на столе.

– Я подстригаться ни за что не буду. И вязать себя не позволю, – твёрдо заявил Иван.

– Думаешь, мы не догадывались, что ты сопротивление будешь оказывать? Всё мы знаем, поэтому я и принёс длинные и крепкие транспаранты, – сказал Маруська

– Давай, ты дурака не валяй, без фокусов садись на стул, – предложил физик, вставая с дивана и идя устрашающе на Беду.

Беда попятился назад. Затем обошёл длинный стол и, встав напротив физика, показал тому дулю из трёх пальцев. Физик понял, что просто так этот парень им не сдаться:

– Юрий Георгиевич, а ну бери его с той стороны, – приказал физик трудовику.

...Трудовик взял в руки рейсшину и пошёл блокировать Ивана. Он приподнял её над своей головой, пытаясь обрушить удар на Беду, но сделать ничего не успел. Моментально Беда среагировал на замах, схватил со стола чернильный прибор и опрокинул его на Юрия Георгиевича. Красные и фиолетовые чернила потекли по лицу и одежде трудовика.

От неожиданности он выпустил из рук рейсшину, которую Иван тут же подобрал. Воспользоваться ему ей не дали. Большие и сильные руки физика облапили его, потом приподняли и как мячик бросили на кожаный диван.

Физик словно бульдозер надвигался на Ивана, рыча и произнося нецензурную брань.

– Не дам стричь, всё равно. – Я вам не раб и не тюремщик, – выкрикнул Иван в лицо физику.

– Будешь тюремщиком, – взревел физик.

– Вязать его, паршивца эдакого надо, немедленно, – стоя в дверях орал Маруська.

Трудовик, явно огорчённый испорченным костюмом, обтирал промокашкой лицо и рубашку с пиджаком. Из борьбы он на время был выбит.

Беда, валяясь на диване, спружинился и резко бросился под руки крупногабаритного физика, но тот все – же успел зацепить Ивана. Беда, падая задел тумбочку, на которой стояла ваза с цветами. Тумбочка упала на пол, а ваза разбилась, залив весь паркет водой.

Разъярённый физик, потерял контроль над собой.

Он уже не ориентировался в ситуации. Злость заволокла глаза. Иван в одну секунду встал с пола. Физик сделал попытку достать его, но упавшая тумбочка и разлитая вода, помешали ему. Поскользнувшись по паркету, он запнулся о тумбочку и неловко взмахнул руками. Потеряв равновесие, физик начал падать, завалив ещё один стул, который разлетелся в щепки и осколками вазы распорол себе ладони.

Маруська неизменно стоял на своём посту около двери.

Словно барс Иван кинулся на него, вцепившись руками за клюку. В данный момент трость для Ивана служила точкой опоры. Приподняв ноги, Беда обеими ступнями ног ударил Маруську в грудь. Дефектная культя завхоза подкосилась, и он рухнул к шкафам, выпустив из рук трость. Иван размахнулся и бросил палку в Маруську. Выбежав из учительской, Беда вспомнил, что в дверях торчал ключ. Нашупав его, он провернул ключ на два оборота и забросил его за портрет Николая Некрасова висевшего на стене коридора.

...Назад в класс он не пошёл, а прямым ходом направился в сквер. В это время там, как назло никого не было. Он сел на скамейку и стал размышлять, как ему поступить дальше.

За этими раздумьями он не услышал, как к нему тихо, хромя, подкрался Маруська. Сцепив кривыми пальцами Ивана за ухо, он повёл его к дыре в заборе, где был выломан штакетник.

Ивана он пропустил в дыру впереди себя, где ему пришлось ослабить свои пальцы на ухе. Беда это почувствовал и упал на землю. Затем быстро вскочил, подпрыгнул до поперечного бруса забора. Крепко ухватившись руками, словно это была гимнастическая перекладина, изо всей силы ударил Маруську в лицо ногами. Маруська опрокинулся на землю, оставив свою трость в дыре забора, которая быстро переключалась в руки Беде. Иван схватил её и несколько раз прошёлся по жирному телу завхоза, а затем об забор сломал её и бросился бежать.

Ноги сами принесли его к Часовщику, который жил в его подъезде на первом этаже. Взволнованно, как на духу, он ему пересказал, что произошло в школе и сквере.

Нинка была в это время дома, и весь разговор слышала.

– Ты какие – то ужасы рассказываешь крестник.

Иди немедленно домой, бери мать и ступайте с ней в школу. Она им там всем разгон устроит, – посоветовала Нинка.

– Не надо никому ничего говорить – веско сказал крёстный, – приучайся сам решать самостоятельно жизненные вопросы.

Школа делает из тебя проблемного ребёнка, – сказал дядя Гриша, – тебе конечно можно перейти в другое учебное заведение, но это не выход от себя бежать. Покорятся их дурацким законам, – себя не уважать.

Он достал костяной портсигар и взял оттуда папиросу:

– Ты вот что сынок, сходи завтра в горком партии и расскажи там всё, как мне рассказал. И не забудь напомнить им, что политические транспаранты школа пыталась использовать для пыток, а так же и про Тимошенко им напомни. Где это видано, чтобы ученика седьмого класса сравнивали с великим полководцем и маршалом Победы. Никита Хрущёв тоже лысый, да он

их за это самих побреет и отправит в Коми на лесоповал. Я полагаю, что после они надолго забудут про тебя. А Маруську и его вшиво плясов я на днях урезоню.

– Какой умник отыскался, – начала перечить Нинка, – весь двор лысый ходит, никого ты этому не учил, а своего крестника учишь.

– Замолчи, если в педагогике ничего не рубишь, хоть и работала сельским учителем. Иван по характеру мятежник, такие люди правильную жизнь создают народу. Тебе этого не понять. Иди на работу, торгуй своими пончиками.

...Часовщик убедил мальчика, что у всех граждан Советского Союза, имеется продуктивный метод борьбы с классовым врагом. Этот метод он называл жалобой вышестоящему начальству против вредителей счастливой жизни человечества.

– Будешь им мстить и вредить, – поймают, определяют в колонию. Зазорного здесь ничего нет. Ты идёшь не в милицию, а в контролирующий и руководящий орган, – дал он перед уходом Беде совет, – и не забывай, что ты идёшь добиваться правды – матушки, и помни, только жлобы и слабые люди говорят, что справедливости в природе не существует. В голову ничего не бери, чем быстрее уйдёт твоя боль, тем быстрее придёт к тебе сила. Это я на своей шкуре испытал.

Эти сказанные слова Часовщиком, на всю жизнь запали Ивану в душу, и в конфликтных ситуациях он отбрасывал свои интересы и противной стороны. Логическим мышлением он извлекал ядро справедливости. После чего к нему приходило уважение округи, а в душе наслаивалось спокойствие.

Ночью, лёжа в постели, он обдумывал слова Часовщика и пришёл к выводу, что нужно следовать его совету.

На следующее утро Беда в школу не пошёл, а направился в горком партии. Решений своих менять не стал.

Зайдя в здание горкома, он нашёл на дверях подходящую таблицу второго секретаря.

Изобразил гримасу страдальца и постучал в дверь.

Не дожидаясь приглашения, Иван приоткрыл дверь и робко вошёл. За двух тумбовым столом с добрым и приятным лицом, восседал мужчина, но Ивана смутило, то что, его голова была обрита под маршала Тимошенко.

«Этот „Лысенко“, наверное, не поймёт меня, если любит такие причёски», – подумал про себя Беда.

– Ты кого мальчик ищешь? – спросил он приветливо.

И тут Ивана понесло. Он расплакался навзрыд.

– По приказу директора школы меня пытались связать политическими транспарантами, с которыми мы на демонстрации всегда ходим. С применением физической силы, хотели насильно подстричь, как вас. – Иван плакал, так чувствительно и жалостно, что его слезам мог позавидовать любой актёр. – Завхоз на всю школу кричал, что из меня Степана Тимошенко сделает, – растирал он по лицу кулаками слёзы.

Обескураженный, неразборчивым рассказом плачущего мальчика, секретарь тут – же усадил Ивана на стул:

– Давай всё по порядку рассказывай и членораздельно, – сказал секретарь и дал салфетку Ивану, вытереть глаза.

Беда пересказал ему всю историю с подстрижкой, как научил его Часовщик, при этом Иван постоянно растирал глаза уже салфеткой. Они у него были красные, как болотная клюква.

Секретарь, выслушав до конца Беду, вызвал по телефону инструктора Паршина:

– Немедленно заходи ко мне. В шестой школе неординарный и крикливый случай произошёл. Нужно разобраться. Мальчик обиженный сидит у меня. Успокой парнишку и немедленно приступай к тщательной проверке фактов. – Говоришь, сигналы в прошлом году поступали о самоуправстве, – кричал он в трубку, – тем более, бросай все свои дела и в оперативном порядке займись мальчиком. Результат проверки, чтобы лежал у меня завтра на столе.

...Беда понял, что партийца разжалобить удалось, но слёзы течь всё равно не переставали. Расстроенного и заплаканного, его забрал в свой кабинет инструктор Паршин. Он напоил Ивана минеральной водой, выслушал внимательно и отпустил в школу, пообещав, что этот вопрос он урегулирует сегодня же.

Из кабинета Иван выходил обиженным и разбитым.

Паршин понимал, что мальчику была нанесена тяжёлая моральная травма, что случилось редко в Советских школах. И защитить его от необоснованных посягательств учителей для него было главной задачей.

...Выйдя из горкома партии, Иван удовлетворённо хмыкнул, порылся у себя в кармане. Затем извлёк из штанов маленький обмылок и выкинул его в газон.

«Знали бы партийцы, как мне этот кусочек мыла помог в производстве слёз, что даже аппаратчики в их искренность смогли без звука поверить», – пронеслась у него убажывающая мысль в голове. «Молодец дядя Гриша, ловко он научил меня слезу добывать. Пальцы послушнявил, потёр об мыло и к глазам. А совесть меня всё равно не мучает. Я прав! Пускай им влепит за всё старое и за сто лет вперёд».

Рассказы о школьной шумихе на этом не закончились.

Вечером Ивану у себя дома пришлось излагать родителям подробно, что произошло в учительской, не упуская ни одной детали. Родители негодовали. Особенно был зол отец. Ему на заводе всё сообщили и велели вместе с сыном быть к девяти утра на заседании парткома судостроительного завода. Завод осуществлял шефскую помощь школе и многие вопросы курировали в частности, что касалось подрастающего поколения и политического воспитания молодых строителей коммунизма.

Из школы в партком пришёл один трудовик.

Физик неожиданно заболел. Маруську срочно отправили в командировку за углём для школьной котельной. А директора ночью неотложка увезла в кардиологию.

Иван ещё раз пересказал, что произошло в учительской. Вопросов на засыпку не было, – в основном заседали степенные люди, которые не стали приставать к школьнику, а повели разбор с взрослых.

Прояснил ситуацию трудовик. Он попросил из кабинета удалить молодого Беду.

Юрий Георгиевич всю вину взял на себя, сказав, что рейсшину взял в руку для устрашения, а бить ей мальчика не собирался. Он осознал, что совершил недостойный поступок для коммуниста и просил строго не судить его товарищей по партии и фронту. Инструктор горкома Паршин, построил работу комитета по установке второго секретаря. Он раскритиковал неправильно осмысленный приказ директора, который взбудоражил не только школу, но и город. Как оказалось на самом деле, исходил он по причине приезда в школу академика, президента «ВАСХНИЛ» Лысенко Трофима Денисовича, приближённого к лысенькому Хрущёву – в то время Никита Сергеевич был первым секретарём ЦК КПСС. Такую вывел оценку действиям директора инструктор и подвёл её к несурзному мелкому подхалимажу, через унижение своих учеников. Когда заседание закончилось, отец подошёл к Ивану и сказал:

– А в горком напрасно ты ходил, и кто тебя надоумил поступить именно так? Можно это было уладить на месте. Теперь им всем по строгому вероятно вкатят. Ладно, иди в школу. Мы позже вернёмся ещё к этой теме.

...Иван ничего не ответил отцу, утвердительно кивнул отцу и пошёл в сторону проходной завода. Слова отца привели к новым раздумьям, и мысленно он приступил к самобичеванию. Но в голове витала незабываемая фраза, брошенная когда – то Часовщиком.

«Никогда не оглядывайся назад, если пошёл вперёд. Иначе подорвёшь здоровье и подмочишь репутацию».

Этот веский аргумент, Иван посчитал сильнее отцовских слов. Вдохнул глубоко в себя сентябрьский воздух, и приказал забыть, что сказал отец и стереть из памяти школьный инцидент, связанный с подстрижкой. Но об этом не забыл дядя Гриша.

От кары Часовщика не ушли ни физик, ни Маруська.

Им вскоре в подворотне школы было сделано неизвестными лицами серьёзное внушение. После чего по двору несколько дней рыскала милиция. Поиски их были тщетны, хулиганы найдены не были.

...В стенах школы твёрдо были убеждены, что избиение уважаемых людей было организовано Иваном Бедой. О чём Иван и не ведал. Директор после этого случая к Ивану осторожно относился, но при встрече с Бедой всегда неприятно хмурился. Когда Дерюгин узнает, что отдел образования отправляет его на пенсию, он издаст приказ об отчислении Ивана Беды из школы за прогулы, хулиганство и систематическую неуспеваемость. В последующем, школьную науку Иван Беда, так и не поучившись в совместной с девочками школе, продолжал постигать в школе рабочей молодёжи, которая находилась на базе его родной шестой школы. Он в это время серьёзно уже играл в футбол и в семнадцать лет выступал за основной состав «Водника». Его игрой любовались. Он бегал по полю, развивая своей пышной шевелюрой и разговаривая с мячом на профессиональном языке. В каждом матче он всегда отличался высокой результативностью. Не было таких матчей, чтобы он не распечатал ворота противника. Трибуны скандировали ему «Иван, покажи им Беду». Жизнью он тогда был доволен. На носу были экзамены, и он к ним тщательно готовился, а дальше служба в армии, которую он с большим нетерпением ждал. Но его воинственно – вспыльчивый нрав поломал все его жизненные планы, и колесо судьбы повернуло в обратную сторону.

...Была драка в парке со студентами, где Иван отличился ярче всех, со своим другом Славкой Кадниковским. Всё бы ничего, но серьёзную травму в этой потасовке получил сын заведующего городским отделом культуры Петька Трофимов, которому Иван сломал руку и разбил голову. Рабочие завода, где он трудился слесарем, пытались взять Ивана на поруки, но страстное желание большого чиновника, посадить Беду в тюрьму, было намного сильнее ходатайства рабочего коллектива завода и спортивного клуба. Тогда Ивана осудили на пять лет, а Кадыка на два года. Ивану статью на суде переквалифицировали на разбой, так – как после драки он в траве нашёл кошелёк потерпевшего, но возвратить тому не успел. Через десять минут он был арестован.

...Он вспомнил стук вагонных колёс и переполненный заключёнными столыпинский вагон, пропахнувший карболкой.

...Тюрьма и война из памяти никогда не стирается, хотя ему после освобождения многие говорили «забудь про тюрьму».

«Нет, её невозможно забыть. Можно отвлечься на время. Только хорошее можно быстро забыть, особенно если в жизни его много было. А сейчас, почти каждый месяц судят кого – то с их двора, даже своих родственников половина побывала в тюрьме, а некоторые до сих пор сидят. В шестидесятых годах, когда на дворе социализм был я дерзок. А дальше пошла долгая эпоха Захара Минина, он был крут и младше меня. Вкус тюремных сухариков узнал с малых лет. И между тюремными перерывами, играл в футбол за команду Водник и надо сказать не плохо. Крёстный Часовщик, конечно, был вне конкуренции. А в середине шестидесятых годов в городе появился вор в законе по кличке Таган, которого я и в глаза не видел. Но слышал от крёстного, что Таган считался первым идеологом в воровском ордене, который хотя и имел физический недостаток, – у него отсутствовала одна нога, но до сих пор находится в полном здравии. Это надо – же каков Человечище этот Таган! На дворе другой век наступил, а в городе никто и никогда не слыхивали, чтобы он размахивал „воровским флагом“, – видимо интеллигентной выправки человек? Большой поклон таким ворам! А я был просто уличный баклан, с завышенной справедливостью. Нечего кривить душой ведь на самом деле я и Захар

являлись криминальными маяками для некоторых своих родственников». И его грустные воспоминания окунулись в те далёкие года, – в таёжный уголок, обнесённый высоким забором и колючей проволокой, где он оставил часть своей молодости.

За колючкой

Свою тюремную карьеру, Иван Беда начал со штрафного изолятора, в который помещали нарушителей внутреннего режима. Привезли его в таёжную станцию под названием Бурелом. Не подымаясь в лагерь, он и его спутник Коля Ромба, имевший вторую судимость, избили на этапе мешочника за его прижимистость. Им и выписали при подъёме на зону двадцать суток на двоих. Штрафной изолятор был рабочий. Выгоняли на лесоповал, где Иван цеплял трос за лесины, прицепленный к лошади, и выволакивал лесину на площадку, которая называлась верхним складом. Здесь впервые Иван увидел, как вольные шофера привозят запрещённый чай в носках. Зэки, сняв носки у водителей, снимали каждую чайнку с них, а затем трясущими пальцами отряхивали голые пятки на газету. За этой любопытной картиной Иван наблюдал и не заметил, как штабеля брёвен начали лавиной скатываться на него и если бы не прыткость Коли Ромба, лежать бы ему под этим лесом раздавленным. Перед самым Новым годом у них окончился срок штрафного наказания, и они в совершенно голом виде предстали перед комиссией, для распределения на соответствующие по здоровью работы. Тогда седовласый майор с заячьей губой, которую он пытался замаскировать усами, – как оказалось начальник производственной зоны, им сказал:

– Вы оба являетесь участниками гуманного акта Советского правительства. Вот уже пять лет прошло со дня указа о переименовании лагерей в Исправительные трудовые колонии. Трудотныне стал приоритетной дисциплиной в исправлении находящегося контингента всех подобных учреждений страны. Так что милости прошу на трудовые подвиги и прошу запомнить новый девиз. – «Только труд и труд исправляет человека»! Считайте сегодняшний день вашим первым шагом на свободу!

Беду и Ромба направили в один отряд. В бараке, куда их привели, было многолюдно. Все расспрашивали, откуда они родом и за что сидят.

И эти расспросы продолжались бы до бесконечности, если бы в секцию не вошёл высокий чернобровый брюнет с золотыми зубами. Это был последний вор в законе, оставшийся на зоне – Володя Потёмкин по кличке Генерал.

Когда он подошёл к толпе окруживших новичков, все быстро разбежались по своим закуткам.

– Кто из вас Иван Беда? – спросил он металлическим голосом.

– Я, – смело ответил Иван.

Генерал протянул Ивану правую руку для приветствия:

– Меня Генерал зовут, – представился он.

Иван обратил внимание, что левая рука у него была не живая – это был протез, одетый в чёрную перчатку.

– Тебе Часовщик маячок приветствий прислал, – сказал Генерал. – Присмотреть он за тобой просил. Так, что ты здесь обживайся, со всеми вопросами и проблемами ко мне забегай в восьмой отряд, в любое время. Но думаю, у тебя здесь будет всё чики – пики, – приятно успокоил он Ивана.

– Лупа, – негромко крикнул он нарядчику, сидевшему на кровати с газетой. – Посели ребят на путёвые койки, я через неделю проверю, – и вышел из барака.

Нарядчика звали Лупой, за то, что он носил очки с толстыми линзами, без душек. Они были зафиксированы у него резинкой на голове. И когда его глаза требовали отдыха, он снимал свои очки. Но газеты нарядчик читал, используя очки как лупу, держа их в руках. За что и получил он кличку Лупа.

Нарядчик выделил им тумбочки и койки на втором ярусе.

С этого дня у Ивана началась настоящая лагерная жизнь, где ему преподнёс протекцию Часовщик. Беда в это – же день понял, что он непросто приземлился в лагере простым сидельцем для отбытия срока, а въехал на белом коне в одну из самых больших зон страны. И здесь ему придётся постигать лагерную жизнь и учиться мудрости у авторитетных зеков.

...На работу их вывели в этот же день во вторую смену, на сборку школьных парт. Работа была чистая и не тяжёлая, можно даже сказать захватывающая. Основным инструментом был пневматический гайковёрт, работающий по принципу электродрели. Гайками и болтами они скрепляли парты и передавали их на покраску. Цех был большой и светлый, но запах смолы и краски резко бил в нос.

Работа считалась вредной, и поэтому за вредность выдавались ежедневно специальные жиры. Производство по изготовлению мебели трудным и сложным нельзя было назвать, всё было автоматизировано. Но когда Иван выходил на улицу, создавалось впечатление, что стоит время эпохи дореволюционной России. По узкоколейной железной дороге, таская, тяжёлые вагоны бегали запряжённые конки. По дорогам производственной зоны везде сновали разномастные лошадки. Этими выносливыми и умными животными осуществлялись все транспортные перевозки на производстве. Ветеринар – или по лагерной терминологии, коновал, – был командиром отряда гужевого транспорта. Он смотрел за лошадьми и руководил извозчиками. В этом отряде работал Лёня Покер, которого Иван знал по свободе, – ему доверили одноглазого мерина по кличке Маг. На нём он возил бункера с опилками в цех прессованной плиты. Впервые в жизни Беда смог прокатиться верхом на коне. Это был одноглазый Маг. На разводе у проходной Лёня всегда дожидался Беду, и он верхом на Маге подвозил его до места работы. Иногда они взбирались на него втроём, сажая позади Ромба. Цеха находились далеко от проходной и лошади зачастую использовались в начале работы для извоза зеков.

Прошла рабочая неделя, Беда с Ромбом совсем освоились с работой и адаптировались в отряде. Коля парень был рискованный и подсел на карты, где ему постоянно фартило. Беда его увлечение не одобрял, но Ромба был на несколько лет старше и в его советах не нуждался.

– Ты видишь, у нас в тумбочке продукты появились? Жить надо как – то. А не то ноги протянем, – говорил он.

– Это до поры до времени, а срежут тебя. Чем платить будешь? – спрашивал его Беда.

– Будет день и будет пища, – отвечал он, – мне тоже должны бабки. Если что я долг свой на них переведу.

Полосатый шарф

В столовой на рождество Беда наткнулся на Рудольфа, парня, который раньше играл за команду Спартак, но что он находится в заключении, Иван об это не знал. Рудольф что – то доказывал рядом сидящему с ним мужику. Беда, обрадовавшись такой встрече, сорвался с места и подошёл к его столу сюрпризом:

– О чём торг ведём? – спросил он.

Рудольф повернул голову, присмотревшись в знакомое лицо, вскочил со скамейки, облапил Беду и приподнял его в воздух.

– Ты, как здесь очутился? – Ты – же в городе был недавно. Я письма со свободы получал, и о твоих успехах в футболе знаю хорошо.

– Был там, теперь лесным воздухом дышу, – улыбаясь, сказал Иван.

– Пошли на улицу выйдем, там покурим и заодно почирикаем, – позвал Беду Рудольф, отодвинув свой обед в сторону.

Они спустились с возвышенности, на которой стояла столовая, и встали у отведённого места для курения. Рудольф достал из кармана табакерку местного изготовления и начал с газетной бумаги скручивать себе сигарку. Беда вытащил из своего кармана портсигар с наби-тыми папиросами «Север» и протянул его Рудуку.

Когда Рудольф брал в руки портсигар, Беда заметил у него на левой руке отсутствие трёх пальцев. На кисти торчали большой палец и изуродованный мизинец.

– Ты же не курящий и откуда такое богатство? – удивлённо спросил он, часто хлопая глазами.

– Жизнь заставила закурить, а папиросы это гуманитарная помощь. Беда подробно рассказал, что их тумбочка благодаря Ромбу наполовину заполнена папиросами и сигаретами.

Беда закурил вместе с Рудольфом. Он пару раз затянулся и бросил бычок в металличе-скую бочку, которая была врыта глубоко в землю и служила вместо большой пепельницы.

– Пошли в тепло? Не могу на морозе курить, удовольствия никакого не получаю, – пред-ложил Беда.

– Пойдём лучше ко мне в гости, посмотришь, как я живу, чифиря сейчас глотнём, – затушил Рудольф большим пальцем левой руки папиросу и положил себе в табакерку.

– Ты где пальцы потерял Рудик?

– На прессе, год назад. Зевнул трохи и под прессом оставил их. Кстати меня Рудиком здесь редко кто зовёт, больше Курком или Рудом кличут.

– Нормальная кликуха, а меня по фамилии кличут. Многие думают, что у меня погоняло такое, а я не возражаю. – Беда тяжело вздохнул и тревожно произнёс. – Я вот подельника своего потерял Кадыка, – ты его, наверное, не знаешь, он в футбол мало играл, и то только в юношеской команде. Потом в ДОСАФ пошёл на планериста учиться. В тюрьме слух прошёл, что его за неделю до меня отправили сюда.

– Погоди! Погоди! – а Захар Минин, – тебе же родственником приходится? – спросил Рудик, – он, где сидит?

– С Захаром ясней некуда, он в Соликамске чалится, а вот Кадык должен быть рядом.

– Кадыка я не знаю, но ты не тужи, может он здесь? Ты просто за короткое время всех арестантов физически не охватишь. Лагерь большой, около трёх тысяч человек. Здесь зате-ряться запросто можно, – пытался обнадёжить его Рудольф. – Многие эки работают в три смены и встречи бывают случайные, как у нас сейчас с тобой произошла.

– Нет его, – уверенно отверг предположение Рудольфа Иван, – был бы здесь, мне давно бы сказали. Я почти все отряды проверил, с первого дня пребывания на зоне.

Пока они шли до барака, Беда обратил внимание, что с Рудольфом многие встречные здороваются и перекидываются на ходу добродушными фразами.

– Вот этот маленький дедушка с приятной улыбкой, – он показал в спину удалявшегося от них заключённого в шапке с опущенными ушами, – это ходячая летопись советских карманников. В прошлом знаменитый щипач по кличке «Чужой», гастролитировал по всем городам и щипал лопатники у буржуев и торгашей. В войну был в розыске у сыскарей за свои грехи. Но в Харькове, говорят у какого – то немецкого офицера из автомобиля утянул планшетку с важными сведениями для нашей разведки. Его моментально по всем старым хвостам амнистировали. Сейчас на пенсии, но чёрт попутал на старости. Пришёл на приём к врачу и обчистил его карман халата, пока тот его осматривал. Здесь много сидят публичных людей, даже двое бывших генерала есть с большими сроками. За нарушение норм строительства аэродромов они срока свои отбывают. Один генерал за зону выходит без конвоя, прорабом у гражданских строителей работает. Музыканты из оркестра Леонида Утёсова, тоже здесь отбывают. Знаменитый своим сроком и наш земляк дядя Костя с сорок девятого года сидит, ему двадцать пять лет дали. Сейчас хорошо Хрущёв сделал, – вышка пятнадцать. Этого срока вполне достаточно осознать тяжесть вины любого тяжелейшего преступления.

– Об этом, наверное, не только вольный люд, но и зеки все знают, – сказал Иван, – а что – же этот дядя Костя в 53 году и под амнистию не попал?

– Никаких амнистий для него не было. Зарубил двух кассиров в сберкассе и забрал деньги. Ему под шестьдесят лет сейчас. Выйдет куда пойдёт, – неизвестно? Родственников никого нет, наверное? Сразу в дом престарелых направят. Бабок будет там шарошить. Здесь такие огурцы у крахов попадают. Один без двух рук за изнасилование сидит. Экземпляров подобных ему, хватается в лагере.

Они пришли к бараку и, смахнув снег с сапог, прошли в курилку. Там сидел парень в подшитых валенках и нижнем белье. В пальцах он держал козью ножку, от которой вился змейкой сизый дым и исходил крепкий запах самосада.

– Пал, давай чифирю заварим? – земляка встретил, надо отметить, – сказал Рудольф парню.

Парень, не докуривая до конца сигарку, бросил её в ведро:

– Сейчас схожу, самовар принесу, – сказал он и ушёл в секцию.

– Раздевайся, жарко здесь. Давай повесим бушлат на вешалку, – проявил заботливость Рудольф.

Парень, которого Рудик назвал Палым, принёс закопчённую алюминиевую кружку и пол плитки чая, завернутого в фольгу.

– Сколько заваривать будем? – спросил он.

– Полтора мальчика кинь на самовар и хватит, остатки положи назад. С чаем сейчас трудно. Надо экономней пользоваться, чтобы до конца недели хватило, – сказал Рудольф.

Парень, залил в кружку воды и поставил её на печку.

– Не бойтесь, что арестуют? – спросил Иван у парня.

– Зеки не заложат, а за красными на улице стоит кто – то смотрит, если что свиснут, – объяснил Пал.

– У нас тоже своя охрана имеется, – сказал Рудольф. – Здесь есть надзиратель Шурик Краснов, всю свою сознательную жизнь работает в лагере. Он по запаху чай находит. Это самая натуральная ищейка. Все повадки у него жандармские. Нашего брата стрелял бы с закрытыми глазами, дай ему волю. Берию сука почитает, как бога.

– Я понял у вас здесь одна отрада, – это чай. А водки и наркотиков не бывает?

– Какие наркотики с водкой? Чаю – то вдоволь нет. Если подача есть, в течение часа не успел взять, всё – жди следующего раза. Но нам, как элитному бараку всегда оставляют. У нас здесь пахан зоны живёт, а наркоманов в лагере нет. И дикий закон со времён Берии

ещё не изжит, – если в секции найдут запрещённые предметы, заточки, наркотики, водку, чай, то вся секция, а нас здесь восемьдесят человек, сажают на пять дней на пониженный паёк. Поэтому мы бдим за этим.

Когда чай был готов, Рудольф послал парня, в секцию за мужиками. Пришли ещё пять человек.

– А Генерала, что не разбудил? Может и он пару глотков сделает, – сказал Рудольф Палому.

– Ага, разбуди, а если он сапогом по горбу отоварит, – заканючил Пал.

– Хорошо, я сам его разбужу, – успокоил Палёного Рудольф и обернулся к Беде. – Слушай Иван, – этот Генерал лучший кореш нашего Часовщика. Может, ты его и видал у него?

– Не видал, но с Генералом знаком.

Рудольф не обратил внимания на последние слова Ивана, так – как моментально скрылся за дверью секции. Вернулся он назад со знакомым ему массивным мужчиной, который при первой встрече с Иваном назывался Генералом.

– Ну что, чифиристы, воюете с лагерным законом? —

сказал он, не замечая Беду. – Рождество отмечаете?

– Это кто за забором для них праздник, а для нас выходной день, – сказал Рудольф. – А у меня земляк объявился, – он положил руку на плечо Ивана.

Генерал взглянул в упор Беде в лицо, затем протёр глаза. Иван смотрел на него и улыбался.

– Не может быть! Иван, неужели ты? – спросил он заспанным голосом, не прекращая протирать глаза.

Генерал подошёл к Беде, радушно пожал ему руку и потрепал по голове.

– Видать хорошо устроился, если в гости не приходишь.

– Вроде не плохо, никто не злит, тумбочка не пустует и курево есть.

– А иначе у тебя и не может быть. Лады, пускайте пиалу в круг, – садясь на скамейку рядом с Иваном, сказал он.

Когда кружка опустела, Беда достал портсигар и угостил всех сидящих. Генерал от Севера отказался, а вытащил из – за уха свою папиросу Герцеговина Флор, размял её пальцами и как фокусник ловко кинул себе в рот.

– Какой срок получил? – прикуривая папиросу, спросил он у Ивана.

– Пятёрку. Ну, это и немного и немало, – успокоил Ивана Генерал, – но хватит, чтобы узнать цену свободы и понять лагерную жизнь.

– Цену свободы и без срока мы все знаем, – сказал мужчина с хриплым голосом.

– Если бы мы знали её цену, то сидели бы сейчас в Метрополе за кучерявым столом, а не варили бы чифирь на печке, – веско заявил Генерал. И он вновь всё внимание обратил к Ивану:

– Как там Часовщик поживает, базар шёл, что он приютил себе молодницу какую – то. Не то прислуга, не то сожительница?

– Я сам толком не знаю, кто она ему, – остерегаясь сболтнуть лишнего, ответил Иван, так – как по воровским законам семьи заводить воров, было запрещено.

– Ты не бойся, со мной можно говорить откровенно, – с понятием улыбнулся Генерал. – Ему воров, как инвалиду разрешил такую привилегию. А вообще Часовщик твёрдый и справедливый вор, сейчас мало ему подобных авторитетов осталось. Поломали почти всех. Ему бы и здоровому разрешили завести себе прислугу. Когда такие люди на зоне и на свободе есть, значит, порядок обеспечен. Я ещё молодой против него, и мне пришлось немало полезных жизненных уроков получить от Григория. Да что там говорить, многие воров учились на нём как по букварю. В рот ему заглядывали. А сейчас некоторые в лакировках рассекают по воровским

паркетам, а Гриша на привязанных подушках прыгает по грязным улицам, но уши не забывает, им крутит за их помпезное и неправильное поведение.

– Нет, он уже давно катается на коляске, – уточнил Иван, – правда ростом выше от этого не стал.

– Это уже хорошо, – одобрительно сказал Генерал, – глядишь, ему как фронтовику сообщат какой – ни будь моторизированный транспорт вроде трёхколёсного велосипеда.

Мужики, не прислушиваясь к разговору, достали из стола домино и стали играть в козла.

Генерал посмотрел в окно. На улице валил снег крупными шапками:

– Уважаю такую погоду, – сказал он. – Пошли Иван прогуляемся с тобой? Я сейчас оденусь. Подожди меня здесь, и никуда не уходи, – предупредил Генерал.

Рудольф, держа в правой руке домино, левой покалеченной клешней стучал костяшками по столу и приговаривал:

– Я ваши камешки срисовал с фронта.

Потом он увидел, что Беда собрался уходить, спросил:

– Ты куда оделся? Посиди, я сейчас освобожусь.

– Я воздухом подышу немного и приду, – пообещал он.

Генерал появился в хромовых сапогах и телогрейке индивидуального пошива. На голове «сидела» гражданская шапка, которая и рядом не лежала с лагерным головным убором. Потому, как одевается заключённый, можно было судить, какое положение он занимает на зоне. Это Беда уяснил, как только поднялся на зону.

– Пойдём, покажешь мне, как ты устроился у себя в бараке? – сказал он, положив на плечи Ивана свою единственную руку.

– Нормально я устроился.

– ПКТ ваш отряд называют, – сказал Генерал. – Начальник отряда у вас капитан Татариннов. Вот и получается питомцы капитана Татариннова, – аббревиатура такая ПКТ, или помещение камерного типа. Единственный барак, где вместо нар стоят койки, так что насчёт этого тебе повезло. Я на досках сплю, правда подо мной два матраса лежит и подушка с одеялом богатые.

– Понятно, – ответил Иван.

– Значит, тебя посадили недавно?

– В мае год уже будет, я уже вроде свыкся со сроком.

Для молодого человека это всё равно приличный срок, его надо просидеть достойно без косяков, – наставлял Беду Генерал. – Я бы тебя забрал к себе, но у нас сбыт. Самая изнурительная хоть и свободная работа. У нас нет никаких графиков. Пришли вагоны, мы идём на погрузку. Вот я иду сейчас с тобой, а в это время могут сообщить по громкой связи отряд номер восемь, бригада тридцать два, через тридцать минут должна быть построена на развод у ворот вахты. При таком режиме работы бывает, отдыхаешь по несколько дней. А бывает, безвылазно пашешь, пока все вагоны не загрузят. Нам в отряде разрешается спать в любое время суток, и чем он хорош, нет в нём краснопёрых, одни отрицательные жуки.

– А что Рудольф тоже в отрицательные элементы записался? – спросил Иван

– Его Курком у нас кличут, – сказал Генерал, – нет, он простой мужик. Но мы его уважаем, и его никто не обижает. Он у нас вроде чайханщика. Весь чай у него хранится. И он никогда никого не обманывает, а работает он учётчиком в отряде, на него никто не обижается.

Они подошли к бараку, сбили снег с сапог и вошли в секцию.

Беда подвёл его к своей койке и показал на второй ярус.

– Вот моё место, – сказал Иван.

Генерал прошёл в проход откинул матрас и сел на кровать.

– Где шнырь? – крикнул он на всю секцию.

К проходу подбежал, растопырив руки, Валет, дневальный секции.

– Вот он я, здесь я, – засуетился, шнырь.

– Найди и тащи сюда Лупу быстро.

Лупа тут – же предстал перед Генералом.

– Привет Володя, – протянул он с подобострастием руку для приветствия Генералу.

Но не получив взаимности для рукопожатия, спрятал свою руку за спину. Генерал сделал вид, что не заметил его жеста, но зато одарил нарядчика таким взглядом, что того от испуга пот прошиб:

– Лупа, это что получается? – Я прихожу в гости к своему другу, а мне и присесть негде. Это непорядок. Кто у тебя в правом углу спит около окна? – спросил Генерал.

– Там Леденец, а рядом Тюля.

– Дай команду на пертурбацию, передвинь их на пару шконок в сторону, а эти два матраса киньте туда. Не мне тебя учить. Сделай это при мне сейчас, чтобы я посидел нормально в гостях у друга.

– Всё будет ничтяк Володя, я устрою мигом, как нужно, – закрутился как ужаленный Лупа.

Нарядчик, с дневальным, перекинули матрасы с углового места, а постели Беды и Ромба перекочевали в уютный угол.

– Володя, всё готово, а тумбочки они сами переставят. Сам понимаешь эта мебель неприкосновенная. Можете проходить и сидеть там?

– Всё нормально Лупа, – одобрительно сказал Генерал, – теперь посмотри Мотыль в бараке? Если здесь, скажи, чтобы заглянул сюда?

...Беда осознал, что это новоселье придаст, ему пускай не авторитет, но чувство уважения и интерес окружающего люда это точно. Этот сделанный Генералом бытовой демарш ему пришёлся по душе. В секции уже присутствующие поглядывали в сторону Ивана с завистью и неподдельным страхом. Не выражая недоумения, почему его наделили такими почестями.

Было ясно одно, что Беда пришёл в секцию с паханом зоны, и что Генерал на зоне фигура номер один, Ивану было известно до сегодняшнего новоселья.

Володя Мотыль, мужчина сорока лет с симпатичной и решительной внешностью, высокого роста пришёл, обнялся с Генералом, Беде протянул руку и присел на кровать.

– Как здоровье Володя, что это ты решил забросить кости в наш дешёвый мир?

– Нужда привела. В гости пришёл к крестнику моего друга, передаю его под твою опеку, присмотри за ним. Я по возможности сюда буду заглядывать чаще. Прими к сведению Володя, – положил он руку на плечо Беде, – Иван парень правильный, школу нашу знает с малых лет. За него Часовщик ручается.

– Чего ты Генерал объясняешь, сказал, присмотри, – и всё понятно. Я же не мальчик, – и Мотыль перевёл взгляд на Ивана:

– Ты, в какую смену работаешь?

– Завтра во вторую смену иду.

– Ну и отлично, я так же хожу. Ты на сборке парт стоишь, а я слесарю, когда будет скучно, заходи. А секция моя напротив вашей стоит. Тоже не забывай.

– Может заварить чайку? – предложил Мотыль Генералу.

– Только час назад глотнул, хватит пока, – отказался Генерал.

– Тогда я пошёл. Партию в шахматы отложил с Дурбаном. Надо доиграть.

Он пожал обоим, руки и ушёл. Имея длинные ноги, как ни странно передвигался Мотыль коротким размеренным шагом.

– Он, почему так ходит у него что геморрой? – спросил Беда.

Генерал улыбнулся:

– Внимательный ты! Нет у него геморроя. Жизнь у него раньше была такая, ежедневно ходить по шпалам, вот и выработалась такая походка. Ну, что пойдём к нам. Курок тебя зажался, наверное, а то я забрал тебя, не дав вам вволю пообщаться.

Беда взял из тумбочки пачку папирос для Рудольфа, и они покинули барак. Идя с Генералом по зоне, Иван понимал, что привлекал к себе внимание прохожих. Если кто – то гуляет с Генералом по зоне, значит, не простой. Абы с кем Генерал расхаживать не будет.

И Генерал, как бы угадав мысли Беда, сказал:

– Со временем познакомишься с серьёзной блатной знатью.

Я тебе хромовые сапоги и телогрейку закажу лагерным умельцам. Будешь гарцевать, как жиган. Но при больших шмонах прохоря прятать надо или одевать на себя. Соловьи, себе могут забрать. У меня – то не заберут, знают, что из этого может получиться.

– А что может быть? – спросил Беда.

– На работу никто не выйдет, а за простой вагонов их облагают огромными штрафными санкциями. Чуешь, что это такое. Хотя, по сути, здесь зона спокойная, как и везде в последнее время. Я с Часовщиком познакомился на исходе войны, в госпитале. Ухаживал за ним безногим. Для меня он был герой особой породы. Штрафник, а наград как у пламенного бойца за мир. И главное, что меня поразило, он боли переносил, стиснув зубы, никак некоторые, выпрашивали у врачей морфий, чтобы боль заглушить. Одним словом Гриша – это исполин. Ему бы генералом, быть, глядишь и война бы раньше окончилась. – Примерно так однажды перед сном, я ему и обмолвился. А он в ответ, похлопал меня дружески по плечу, и уснул.

– Эту привычка подбадривать кого – то по плечу, у него осталась до сих пор, – вспомнил Иван, – если он с собеседником находится на одном уровне, обязательно взбодрит его своим неизменным контактным жестом.

– Ты понимаешь Иван, – остановил Беду Генерал, – он не забыл мои слова насчёт командирского чина и совсем скоро напомнил, только это был уже не госпиталь.

– А где же это было?

Генерал, развернув Беду на дорогу, ведущую к восьмому барaku, рукой указал вперёд.

– Ирония судьбы. Так уж получилось, что мне с твоим крёстным Часовщиком вскоре, пришлось встретиться в лагере в оздоровительном бараке, так называли помещения, где жили инвалиды. Он же был вор с довоенным стажем, и влияние имел огромное, как на арестантов, так и на администрацию. Поэтому где был он, ни одной сучьей войны не произошло. Я же тогда юный был, всего девятнадцать лет. Первая ходка на зону, и повоевать успел немного. Посадили меня за часики, которые я увёл в поезде в Барановичах в сорок пятом году. Пострадавшим оказался известный местный врач. Когда я сел в поезд он смотрел на меня, с явным пренебрежением и высокомерием. Будто я не с госпиталя, а с каторги возвращаюсь. Сильно он меня тогда оскорбил. Хотя я сам виноват, надо было мне гимнастёрку на себя одеть, а я как босяк ехал в нижнем тёплом белье и поверх её телогрейка. Саквояж свой из рук он не выпускал, и каждый раз проверял карманы. Вот я и решил ему отомстить, за цепочку вытащил у него карманные часики. Патруль меня через полчаса взял. В вещевом мешке нашли документы, гимнастёрку с орденом красной звезды и лекарства которыми меня снабдил в дорогу госпиталь. Врачу неудобно стало, и он готов был подарить эти часы мне. Но патруль выслужиться хотел и его часики в жертву не приняли. А мне червонец дали. Правда, после по амнистии Лаврентия Берия в пятьдесят третьем году вышел на свободу. А времена я тебе скажу, тогда были беспредельные в лагерях. Нас за людей не считала администрация. Надзиратели в одиночку не выходили на зону. Ходили косяками человек по пять с автоматами и столько же с металлическими прутьями. Кости у нас хрустели неимоверно, при избиении была только одна мысль у всех. Выжить освободиться и отомстить. Двоих политических у нас из пожарного шланга в лютый мороз облили водой и заморозили. Так фашисты поступили в войну с нашим доблестным генералом. Потом в резервуар, откуда пожарная помпа качала воду, скинули, списав это на несчастный случай. Но в лагере сидел родной брат одного из замороженных, по кличке Минёр, тихий мужичок был, чуть даже пришибленный, он прознал, кто творил зверства против брата. Заточил две дубовых коротких пики, на размер ножа и вымазал их негашеной изве-

стью, – привезли её тогда нам бараки белить. Изготовил он пики по принципу ерша, туда лезет – оттуда нет. В течение нескольких минут он завалил в разных местах карателей своего брата. Проткнул, как жареных поросят. Одного при мне в столовой. Смотреть на это зрелище было с одной стороны радостно, с другой стороны ужасно. Потом залез на резервуар, куда был скинут его брат, перерезал заточкой себе сонную артерию и ушёл под воду. И готовился он к этому акту не один месяц. В лагере тогда зеки хотели переворот сделать, но Гриша был против такого ярко выраженного протеста, и я, конечно, был с ним солидарен. А зона шаталась, как ветхое здание, того и гляди рухнет. Анархия, тогда нужна была тем, у кого свобода не маячила близко, одним словом их мы называли четвертаки. Так вот мы с Гришей и объяснили сидельцам, что четвертаки может, под шумок и слиняют за колючку, а на других у надзирателей найдутся автоматы с запасными рожками. Мы смогли переубедить зону, к тому же, после случая с Минёром надзиратели поуспокоились, и агрессивность былую к нам не проявляли. А сколько этих палачей подрезали после освобождений зеки. Так сильно они озлобили каторжан. Сейчас всё совсем иначе, даже оскорбивший словесно заключённого надзиратель или другой администратор, может потерять свою работу. Но и жизнь в лагерях другая стала, преступник не кроважный пошёл. Воров в законе мало осталось, а это очень плохо. После сучьих войн всех по тюрьмам закрыли. Иногда полукровки хвост поднимают, приходится им популярно объяснять, что войну у сук мы выиграли и с большим перевесом. Им после этого один только путь на вахту ломиться. Администрация сейчас на это закрывает глаза. Им легче этих полукровок в БУР посадить или на другую зону отправить, чем позволить развиваться новой сучьей войне. А с недавних пор главными нарушениями в зоне считаются отказ от работы, чифирь и иногда кто – то подерётся между собой, и конечно карты. Вот и весь арсенал нарушений. Ты своему другу скажи, чтобы завязывал с ними, – предупредил Генерал Беду, – а не то его на икру пустят, если проиграется.

– А ты откуда знаешь, что он играет, – удивлённо спросил Иван.

– Я всё знаю о каждом заключённом, – ответил Генерал.

– А Кожевник в законе или нет? – спросил Иван.

– Ты и его знаешь?

– Да он часто раньше до тюрьмы к дяде Грише приезжал.

– Нет, он отказник и давно. В крытой тюрьме уже год, наверное, сидит. Воров мало сейчас и на зонах и на свободе. Все по крыткам чалятся. Кстати Генералом меня обозвал Часовщик. Я тоже вор, но этот титул у меня по сути дела условный. Всех практически поломали. Законы только остались, и нормальные каторжане придерживаются их по мере возможности. Меня пока не трогают, так – как я на промышленную зону выхожу. Работают сейчас в заключении все поголовно, правда, каждый, как умеет. Администрация знает, что меня короновали ещё в пятидесятом году. И я, находясь рядом с Гришей, не попал под сучьи войны. Остался, как видишь целым и невредимым после такой сечи. В других лагерях поножовщина была после войны с суками жестокая, и сотворил её Сталин со своим подручным Натаном Френкелем. Наши козодои всю подноготную знают про меня и стараются не тревожить, так – как буча может подняться, такая, что чертям будет тошно. А им производственный план важнее, чем бунт. Хотя для них отправить меня на крытый режим ничего не стоит. Но я в этом году иду на свободу.

...При подходе к восьмому отряду, на улице завьюжило, и мороз от этого усилился. Иван опустил уши на своей шапке и, расстегнув пуговицы на ватнике, плотно захлестнул полы обеими руками, чтобы теплее было. Делал он это так, будь – то на его плечах сидела бобровая шуба, а не реплика из диагонали с жидким воротником и подкладкой из крашеной бязи. Генерал посмотрел на Ивана с улыбкой, но ничего на это ему не сказал. Он знал, что такая манера запахивать ватник была популярной у многих блатарей зоны. Когда они пришли в курилку, Рудольф сидел ещё за домино.

Генерал ушёл в секцию, когда вернулся, в его руках был чёрный в белую полоску тёплый шарф:

– Носи, – протянул он шарф Беде. – С голой шеей не ходи, это мой. У меня ещё один такой есть. Тепла много не даст, но от ангины убережёт, а главное, ни одна тварь при этом шарфе хвост не подымет. Таких в зоне шесть штук, у тебя седьмой будет. Поднимай Курка, я пойду немного вздремну до ужина.

– Спасибо Володя, действительно шею продувает. Теперь есть чем её согреть, – сказал обрадованный Иван.

Рудольф, увидав, что Беда вернулся, передал домино Палёному, – мужику с обожжённым лицом и подошёл к Ивану.

Увидав у него на шее шарф, как у Генерала, сказал:

– Поздравляю, ты знаешь, что это обозначает? – показал он на шарф.

– Знаю, спасение от ангины, – ответил Иван.

– Нет, это, скорее всего вступление в блатной парламент, это как коронование. С любого другого такой шарф снимут и передадут тому, кто его заслуживает носить. Поперечные полосы на нём, считается у нас на зоне, как символ мудрости и неприкосновенности.

Иван, услышав такую новость от Рудольфа, едва смог скрыть радость и гордость, за вручённый Генералом подарок.

Беда отдал пачку папирос Рудольфу:

– Пошли, может на улицу, прогуляемся, чего здесь сидеть, – предложил он Рудику.

– Ты знаешь, я зимой стараюсь меньше в дневное время находиться на улице. Не заметил, что я моргать глазами часто стал. А на снег как посмотрю, какая – то пелена в глазах появляется и резь длительная. Давай после ужина погуляем.

Бразилец

Иван ушёл к себе в отряд. Положив телогрейку на край постели. Шарф снимать не стал, оставив его у себя на шее. К нему подошёл сухопарый Леденец:

– Брат, давай тумбочки переставим?

В его голосе чувствовались скрытые нотки обиды.

– Давай. Надеюсь, обижаться не будешь, что я оккупировал твою койку?

– А что толку, всё равно уже ничего не поделаешь. Я с этого козырного места не первый раз вылетаю, – больше не буду занимать его, – мрачно пробурчал он.

Они быстро перебазировались, потом вместе зашли в курилку покурить. Все курилки в бараках были одинаковые. Они служили и как раздевалки и как умывальники, как сушилки и как комнаты для развлечений. Многие заключённые любили посидеть около печки и покурить махорки, смотря на живой огонь пылающий в открытой топке. В этот раз там была как всегда сплошная игротека, шахматы, шашки, домино, всё то, что разрешалось использовать в лагере. Очень громко спорил в домино шепелявый парень, но спор у него был добрый и весёлый, от которого веяло свободой. Его все называли Бразильцем.

– Леденец, а чего его так зовут? Он что футболист великий? – спросил Иван.

– Фамилия его Зыков, а зовут Николай. Он раньше играл в Ашхабаде за команду Спартак в классе «Б». Его фамилию пару лет назад нередко можно было встретить в газетах в рубрике «Спортивные новости». Когда он сидит в изоляторе, и в это время у нас матч намечается с другим отрядом. Татаринов вытаскивает его оттуда и ставит ему условие, Если Николай забивает гол, тогда начальник отряда его амнистирует. А наш мастер на таких условиях от радости вколачивал в чужие ворота по три и четыре гола. Если мяч попал ему в ноги, то отобрать его практически невозможно. Ты с ним в разные смены работаешь и не видишь, а он каждый день тренируется. Если мяч на ноге не подержит больной ходит и скрипит как старая лучковая пила. У него один мяч под здесь лежит, а один на промзоне. Он бы и тебя пригласил попинать с собой, но ты в этом шарфе, он не посмеет. Побойтись напороться на грубость.

– Я бы сам ему предложил, но у меня спортивной обуви нет, – с досадой сказал Беда.

– Бутс у нас нет, но у Николая полукеды для этого случая есть, разных размеров. За футбольную команду он в отряде отвечает. Сегодня он уже наигрался досыта и скоро ужин будет. Если ты играешь в футбол, я ему скажу. Обычно он сам подходит к новичкам и спрашивает всю подноготную жизнь на свободе. Тебя он сегодня видит в первый раз. Но про наше с тобой переселение информационная волна прошла по всему барaku. И ты должен понять, что сам он к тебе не подвалит.

Они выкурили ещё по одной сигарете, и Беда пошёл обживать свой новый угол. Взяв в руки томик Стефана Цвейга, он вальяжно расположился на кровати. Подложив под спину подушку и облокотившись на неё, открыл перед собой книгу.

Когда пришёл Ромба, ему сразу бросился в глаза по – барски развалившейся на чужой кровати Беда.

– Не понял? – удивился он. – Ты чего на чужой шконке спину притулил? – но, узнав рядом стоящую свою тумбочку, и постель, лежащую на нижней кровати, изобразил довольную мину:

– Что новоселье будем отмечать? – и, не дожидаясь ответа из карманов бушлата, он вытащил банку свиной тушёнки, пачку киселя, пачку сухой горчицы и тёплые носки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.